

**ВИКТОР
БУРЕНИН**

РАССКАЗЫ
Г. ЧЕХОВА

Виктор Петрович Буренин

Рассказы г. Чехова

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24511901
Рассказы г. Чехова: 1887

Аннотация

«...Г-н Чехов недавно издал сборник своих рассказов под общим заглавием «В сумерках». Это уже второй сборник талантливого беллетриста: первый, озаглавленный «Пестрые рассказы», вышел в прошедшем году. Имя г. Чехова очень хорошо известно читателям газет и юмористических журналов, где он обыкновенно печатает свои произведения, и мало известно читателям ежемесячных литературных органов, в которых он, если не ошибаюсь, почти совсем не печатался. Быть может, в этом последнем обстоятельстве, то есть в том, что талантливый беллетрист избегал до сих пор «толстых» журналов, и заключается отчасти причина холодных, и даже не совсем дружелюбных отзывов о его крупном даровании, которыми встретили его рассказы критики разных «Северных Вестников», «Русских Мыслей» и т. п. современных пародий на прежние литературные ежемесячники...»

Виктор Петрович Буренин

Рассказы г. Чехова

Г-н Чехов недавно издал сборник своих рассказов под общим заглавием «В сумерках». Это уже второй сборник талантливоего беллетриста: первый, озаглавленный «Пестрые рассказы», вышел в прошедшем году. Имя г. Чехова очень хорошо известно читателям газет и юмористических журналов, где он обыкновенно печатает свои произведения, и мало известно читателям ежемесячных литературных органов, в которых он, если не ошибаюсь, почти совсем не печатался. Быть может, в этом последнем обстоятельстве, то есть в том, что талантливый беллетрист избегал до сих пор «толстых» журналов, и заключается отчасти причина холодных, и даже не совсем дружелюбных отзывов о его крупном даровании, которыми встретили его рассказы критики разных «Северных Вестников», «Русских Мыслей» и т. п. современных пародий на прежние литературные ежемесячники. В то время, как критики упомянутых органов усердно прославляли и прославляют не только гг. Гаршина и Короленко, которые действительно талантливы, но даже и различных посредственностей своих приходов, они очень уклончиво и с видимым пренебрежением уделяли краткие рецензии произведениям г. Чехова, рецензии, преисполненные тонких намеков на то, что это беллетрист поверхностный и не выра-

ботавшийся, не написавший еще ничего «крупного». Другая причина, заставлявшая и заставляющая до сих пор критику «толстых» журналов умалять и как бы игнорировать талант молодого беллетриста, заключается, кажется, в том, что произведения Чехова вообще чужды всяких приходско-журнальных тенденций и в большинстве обнаруживают вполне свободное отношение автора к делу искусства, в большинстве руководствуются только одним направлением: тем, какого требует художественная правда и художественное созерцание и наблюдение действительности. Критика наших журнальных приходов не понимает такого свободного и широкого направления; она видит обыкновенно только тот свет, который открывается ей из маленького журнального окошка, и дышит только тем затхлым воздухом, который веет с неопрятных журнальных дворов в это узенькое окошко. Обоняние приходско-журнальной критики так привыкло к упомянутому затхлому воздуху, что от всякой свежей литературной струи она морщится, всякая свежая литературная струя ее почти раздражает. Зрение этой критики так приучилось к небольшому количеству тусклого света, прорывающемуся в узенькое журнальное окошко, что настоящий, яркий солнечный луч ей почти невыносим: она жмурится, закрывает глаза и не желает пользоваться настоящим светом. Что всего курьезнее, эта критика, привыкшая к излюбленному полусвету или точнее полумраку своих журнальных камер, жалуется на неясность настоящих солнечных лучей,

нисколько не подозревая того, что солнечные лучи кажутся ей неясными только потому, что она зажмурилась от необычного для ее зрения их блеска.

Подобная жалоба журнально-приходской критики высказывается по отношению к такому свежему художественному таланту, каким несомненно является г. Чехов. Этой критике, извольте видеть, творчество нашего автора представляется «сумеречным», или «пожалуй полутворчеством». Так по крайней мере заявил недавно «Северный Вестник». Для рецензентов этого журнала ясны вполне только такие произведения, в которых авторы «творят» начистоту, т. е. выставляют на лбу каждого героя и каждого изображаемого жизненного явления ярлыки с надписью: сей герой и сие явление обозначают то-то и то-то, хотя бы и образ героя и смысл события на самом деле обозначал совсем иное, или, как это всего чаще бывает у «творцов», излюбленных приходско-журнальными рецензентами, не обозначал ровно ничего, кроме желания подделаться к известной журнальной тенденции и рутине. Такое «творчество» кажется рецензентам «полным», так как к нему приложима определенная мерка журнальной рутины и оно как раз отвечает такой мерке: не меньше и не больше, не уже и не шире, не глубже и не мельче. Для понимания подобного творчества не требуется ни критической проницательности, ни критического вкуса и чувства, а именно только указанная мерка. Талант г. Чехова и его произведения не подходят под мерку приходско-жур-

нальной критики и потому критика сия смущена: она не знает, что о нем сказать, боится признать его сильным, виляет, придирается к тому, что автор пишет маленькие «газетные» рассказы и очерки, и сулит ему в будущем все недоброе, хотя тут же с великой важностью приговаривает, что автор «и так хорошо» пишет.

Не знаю, может быть я очень ошибаюсь, но мне кажется, что вместо всех виляний, смущений и придирок, опасных и недобрых пророчеств, приходско-журнальной критике следовало бы ограничиться именно только восклицанием: «и так хорошо». Действительно, о будущем гадать довольно трудно: пойдет ли г. Чехов вперед, даст ли он нечто очень крупное и сильное со временем, или остановится в своем развитии, – кто может это сказать? Пророчество на этот счет непременно в дурную сторону совсем не дело благожелательной критики, тем более, что наш автор пишет недавно, очень еще молод и, стало быть, к его будущему можно относиться скорее с надеждой, чем с сомнением. Говорят: он пишет все маленькие рассказы, и потому его крупным талантом нельзя назвать. Но почему же так прославляют других современных беллетристов, например, г. Гаршина, который тоже заявил себя маленькими рассказами и что называется торжественно провалился при первой же попытке создать нечто крупное по объему, нечто в роде романа. Почему г. Гаршин для приходско-журнальной критики «молодая сила» и на него возлагаются до сих пор розовые надеж-

ды, хотя он во всех своих рассказах однообразен и сух, а г. Чехов не молодая сила и на него розовых надежд не возлагается, несмотря на то, что почти в каждом его рассказе свежий, яркий и оригинальный художественный талант бьет ключом и автор неистощим и разнообразен в своих очерках. Если бы критика хотела быть беспристрастной и обнаруживала побольше художественного вкуса и побольше проницательности, она должна была признать г. Чехова по непосредственности дарования силой гораздо более живой и надежной, чем г. Гаршин, не говоря уже о г. Короленке, у которого непосредственный талант не бог весть какой и вся сила которого в обдуманности своих работ, переходящей порой в надуманность. Но попробуйте-ка пригласить нашу приходско-журнальную критику и поставить г. Чехова не только выше, но даже рядом с ее излюбленными новейшими кумирчиками вроде гг. Гаршина, Короленки или с кумиром более старым – с г. Глебом Успенским: критика и руками замахает и ногами затопчет. Все названные кумирчики, изволите видеть, – беллетристы «толстых» журналов, значит они велики, почтенны и солидны, значит их произведения имеют значение и вес, а г. Чехов писатель «газетный»: значит он легковесен, мал и несолиден.

Сказать по правде, это действительно для нашего автора некоторое неудобство, что он начал свое литературное поприще в маленьких газетках и юмористических листках. При рутинных оценках и взглядах нашего журнального чи-

новничества, прохождение автором литературной службы не в аристократических департаментах, а в мелких канцеляриях журнализма вредило и вредит его беллетристической карьере. Г-на Чехова заметили, о нем начали говорить только с тех пор, как появились его рассказы на столбцах «Нового времени». А ведь и прежде можно было бы заметить: он давал под разными псевдонимами такие же талантливые и живые вещи, какие дает и теперь. Но что будешь делать: у нас издавна так повелось, что в литературе тоже существуют *видные* и *не видные* места, как на службе. На одних местах успех дается и легче и скорее; на других медленнее и с затруднениями; в одном издании беллетрист с меньшим талантом проскочит если не в литературные генералы, то в литературные надворные советники; в других так и останется надолго в канцелярских чинах. К этому еще следует прибавить, что настоящий период нашей литературы – период отчасти психопатический: теперь нередки успехи и громкие репутации не вследствие действительных дарований и заслуг, а так, неизвестно почему, по «случайному случаю», как говорится. Полюбится какой-нибудь автор или какая-нибудь книга какому-нибудь кружку психопатов и психопаток, и поднимает этот кружок великий шум по поводу излюбленного автора и расславляет его гением. Начнешь разбирать, почему автор или книга полюбились, и только руками приходится разводиться. Один полюбился потому, что телом и духом хил, как пришибленный воробей, и внушает жалость именно сво-

ей физической и нравственной искалеченностью, хилостью и беспомощностью. Другой полюбился потому, что походит на старую истерическую деву: все хныкает и ноет о каком-то «предмете», с которым, как герой «Обыкновенной истории», срывал когда-то желтые цветы на берегу речки и обменялся «вещественными знаками невещественных отношений». Третий полюбился потому, что написал поэму «чижик, чижик, где ты был» и не мог перенести рецензии на эту поэму: вздохнул три раза, да взял и умер, завещав своим обожательницам из «романтических старушек» вечное мщение к автору рецензии и вечное оплакивание «трагической» кончины автора «Чижика». Да, психопатическое, психопатическое теперь время, и его полоумные «веяния» и значительной степени водворились и в области литературы.

Как бы однако там ни было, г. Чехову, но моему мнению, нечего опасаться и нечего сокрушаться малодружелюбными отзывами приходско-журнальной критики: в двух изданных сборниках нашего автора его крупный талант проявляется настолько ярко и оригинально, что брюзжания и придирки критики ничего не значат для него. Конечно, не все очерки г. Чехова одинаково хороши и сильны: при большом количестве писаний молодого беллетриста многие его работы незначительны; но зато найдется несколько и таких между его очерками, которые без всякого преувеличения могут стать наряду с лучшими рассказами «Записок охотника» и — если нужны сравнения с иностранными знаменитостями, —

с очерками Брет Гардта. Так как я упомянул имя американского писателя, то кстати будет сказать, что талант и художественная манера г. Чехова очень родственны с талантом и манерой Брет Гардта. В доброе старое время у нас любили титуловать отечественных писателей «русским Вольтером», «русским Гофманом», «русским Вальтер-Скоттом» и т. д. Если бы теперь не вывелась эта старая мода, то г. Чехова смело можно бы окрестить русским Брет Гардтом. Подобно американскому писателю, наш беллетрист чертит на двух-трех страничках какую-нибудь картину или какую-нибудь сценку, чертит самыми сжатыми, и, по-видимому, небрежными штрихами, а между тем перед читателем в этих чрезвычайно сжатых и эскизных чертах возникает почти целая жизненная драма, целая маленькая поэмка действительности. Несмотря на большое разнообразие в выборе бытовой среды, воспроизводимой автором, – будет ли то среда чиновническая, крестьянская, рабочая, помещичья, – г. Чехов везде чувствует себя дома, везде его наблюдательность столько же глубока, сколько правдива, везде его кисть тверда и краски живы и яркие. У нашего автора немного найдется вещей, производящих впечатление неудачной выдумки, сочинительства: даже в самых слабых и небрежных эскизах чувствуется натура, чувствуется непосредственное впечатление, а не рассудочная работа. Из молодых беллетристов положительно никто не умеет рисовать так ярко и так тонко, так поэтически и вместе с тем такими немногими штрихами и картины при-

роды, и самые разнообразные типы. Ведь описывать природу поэтически, как описывали Тургенев, Толстой, теперь почти разучились: точно новые беллетристы утратили секрет тех красок, какими работали прежние свои чудесные пейзажи. А между тем ни в чем так не сказывается непосредственность и свежесть таланта, как в таких описаниях: беллетрист, не чувствующий картин природы и не умеющий их воспроизводить иначе, как только рутинными описаниями, не может считаться настоящим художником и не бывает таким художником. И наоборот: беллетрист, обладающий чувством природы и умением схватывать ее поэзию и красоту, – всегда чуткий и живой художник. Посмотрите же, в какой степени обладает г. Чехов этим умением. Вот две маленькие картинки из его рассказов:

«Я тихо побрел в рощу, а оттуда спустился к реке, где стояли наши рыболовные снасти. Река спала. Какой-то мягкий, махровый цветок на высоком стебле нежно коснулся моей щеки, как ребенок, который хочет дать понять, что он не спит. От нечего делать я нащупал одну леску и потянул ее. Она слабо напряглась и повисла, – ничего не поймалось... Того берега и деревни не было видно. В одной избе мелькнул огонек, но скоро погас. Я пошарил на берегу, нашел выемку, которую приглядел еще днем, и уселся в ней, как в кресло. Долго я сидел... Я видел, как звезды стали туманиться и терять свою лучистость, как легким вздохом пронеслась по земле прохлада и тронула листья просыпавшихся ив...»

Описание вьюги:

«На дворе шумела непогода. Что-то бешеное, злобное, но глубоко несчастное с яростью зверя металось вокруг трактира и старалось ворваться вовнутрь. Хлопая дверьми, стуча в окно и по крыше, царапая стены, оно то грозило, то умоляло, а то утихало ненадолго и потом с радостным, предательским воем врывалось в печную трубу, но тут поленья вспыхивали и огонь, как цепной пес, со злобой несся навстречу врагу, начиналась борьба, а после нее рыдания, визг, сердитый рев. Во всем этом слышались и злобствующая тоска, и неудовлетворенная ненависть, и оскорбленное бессилие того, кто когда-то привык к победам... В церкви стали бить полночь. Ветер играл со звоном, как с снеговыми хлопьями, гоняясь за колокольными звуками, он кружил их на громадном пространстве, так что одни удары прорывались или растягивались в длинный, волнистый звук, другие вовсе исчезали в общем гуле».

В таких и подобных сжатых, маленьких описаниях, изобильно рассыпанных в очерках г. Чехова, поразительна именно их сжатость: немногими чертами автор воспроизводит картину, но это именно те существенные черты, которые дают живое и яркое впечатление. И точно таким же образом наш автор умеет рисовать и лица: два-три штриха, коротенькая характерная сценка – и перед вами живая, почти типическая фигура. Прочтите в его сборнике «Пестрые рассказы» маленький очерк в три странички, озаглавленный «Егерь»:

перед вами станет как живая фигура охотника Егора, одного из деревенских, крестьянских «избранных счастливицев праздных, пренебрегающих презренной пользой»; перед вами ярко вырисуется почти драматическое лицо жены этого праздного счастливца. По-видимому, какими малыми средствами располагает автор, в какой крохотной рамке заключает свой рассказ; но какое полное, сильное и законченное впечатление производит он! Рассказы точно такой же силы и живости можно указать и во втором сборнике, например: «Агафья», «Верочка», «В суде», «Ведьма», «Недоброе дело». Вникая в эти маленькие, краткие по форме, но очень полные по содержанию и очень выработанные вещи, удивляешься оригинальному искусству автора, да еще тому, что приходско-журнальная критика в таких законченных вещах усматривает неполноту и поверхностность. Требования полноты, предъявляемые упомянутой критикой, очень забавны. Например, в рассказе «Агафья» изображено любовное свидание деревенского очарователя с чужою женой. Увлечшись страстными восторгами, неверная жена покидает только с рассветом своего любовника и, возвращаясь со свидания, наталкивается на мужа. С чувством художественной меры г. Чехов заканчивает свой рассказ следующей сдержанной сценой:

«В деревне, около крайней избы, на дороге, стоял Яков и в упор глядел на возвращающуюся к нему жену. Он не шевелился и был неподвижен как столб. Что он думал, глядя

на нее? Какие слова готовил для встречи? Агафья постояла немного, еще раз оглянулась, точно ожидая от нас помощи, и пошла. Никогда я еще не видал такой походки ни у пьяных, ни у трезвых. Агафью будто корчило от взгляда мужа. Она шла то зигзагами, то топталась на одном месте, подгибая колени и разводя руками, то пятилась назад. Пройдя шагов сто, она оглянулась еще раз и села.

– Ты бы хоть за куст спрятался... – сказал я Савке. – Неравно тебя муж увидит...

– Он и без того знает, от кого это Агафья идет... На огороде по ночам бабы не за капустой ходят – всем известно.

Я взглянул на лицо Савки. Оно было бледное и морщилось брезгливою жалостью, какая бывает у людей, когда они видят мучимых животных.

– Кошке смех, мышке слезы... – вздохнул он.

Агафья вдруг вскочила, мотнула головой и смелой походкой направилась к мужу. Она, видимо, собралась с силами и решилась...»

Приходско-журнальной критике это окончание кажется неполным, недостаточным для надлежащего впечатления на читателей. Критика требует, чтобы автор непременно выяснил, как встретил муж Агафью: «убил он ее или прибил, выругал, простил?» Очевидно, критике хочется, чтобы была изображена супружеская потасовка или примирение во вкусе современного реализма: тогда бы рассказ был «закруглен» по всем требованиям рутины. Правда, тогда бы он не произ-

вел на читателя того впечатления, какое производит теперь, и драматический его оттенок заменился бы оттенком водевильным, утратил бы характер жизненной сцены и приобрел характер пошлого анекдота. Но зато автор угодил бы «развитым» вкусам теперешней критики!..